
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Напсо М. Д.*

Объектом анализа настоящей статьи является идеология национализма, а предметом – взаимосвязь процессов глобализации и проявлений национализма. Автором исследуются природа национализма, его место и востребованность противоречивым контекстом глобализации. Рассматриваются взаимосвязь глобального и локального, влияние локальных практик и локальных идентичностей на характер глобализационных процессов. Автор анализирует природу явлений глокализации и фрагментации, их роль в снижении рисков национализма. Особую значимость приобретают вопросы, связанные с реализацией национальных интересов, влияющих на формирование идеологии национализма.

Ключевые слова: глобализация, национализм, космополитизм, гомогенизация, гетерогенизация, глокализация, фрагментация, идентичность, локальное, партикуляризм.

The object of the analysis of the present article is the ideology of nationalism, and the subject is the interrelation between the processes of globalisation and manifestations of nationalism. The author studies the nature of nationalism, its place and demand within globalization context. We also consider the interrelation between global and local, the influence local practices and local identity on the character of globalization processes. The author examines the nature of the phenomena of glocalization and fragmentation, their role in decreasing the risks of nationalism. The special importance is acquired by the issues connected with realization of national interests which influence the formation of ideology of nationalism.

Keywords: globalization, nationalism, cosmopolitanism, homogenisation, heterogenisation, glocalization, fragmentation, identity, local, particularism.

Проблематика национализма является одной из наиболее актуальных в современном социально-гуманитарном знании. Свидетельством этого является неуклонный рост научных публикаций на эту тему, а также обилие теоретических построений, объясняющих данный противоречивый феномен современной жизни. Между тем несмотря на то, что многие аспекты национализма разработаны достаточно хорошо, все же стоит отметить тот факт, что проблематика национализма имеет тенденцию к расширению в связи с усложнением процессов этносоциального и глобального развития. Национализм, обладая свойством социальной регуляции негативной направленности, был и остается весьма эффективным инструментом достижения вполне определенных политических целей, способом прида-

* Напсо Марианна Давлетовна – д. соц. н., проф. кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии. E-mail: napsu.maryana@mail.ru.

ния рационального смысла межэтническим взаимодействиям и поведенческим стратегиям как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Существует множество теорий, объясняющих природу национализма, но все они, по единодушному мнению исследователей, оказываются недостаточными для объяснения явлений, скрывающихся за ним. И тому есть ряд причин. Во-первых, это отсутствие единого взгляда на явление национализма, который исходил бы из признания общих подходов и критериев, основанных на широкой эмпирической социально-экономической и этнокультурной базе. Во-вторых, зависимость националистических проявлений от исторического контекста – традиционного, модернистского, глобалистского, мультикультуралистского: все эти факторы среды придают национализму особую специфичность, наполняют его содержание различными смыслами, а значит, и соответствующими следствиями. В-третьих, природа национализма определяется и историческим этапом, который переживает то или иное государство. История изобилует примерами того, насколько востребованными оказываются идеи национализма для развития государства (многие исторические преобразования проходили под флагом национализма, отождествленного с патриотизмом), в силу чего националистические установки и соответствующее им мировоззрение оказываются все более привлекательными. Так, национализм предстает в качестве безусловно актуализированного феномена, сущностное содержание которого хотя и подвергается изменениям, все же остается во многом достаточно устойчивым.

Но, по мнению ряда западных и отечественных исследователей, националистическая идеология переживает сегодня период своего упадка, поскольку становится достаточно обременительной затеей, с одной стороны, а с другой – время национализма уходит в прошлое. Рассуждая на эту тему и анализируя взгляды Э. Хобсбаума относительно актуальности национализма в век глобализации, М. С. Фабрикант отмечает: «Характеризуя современное состояние национализма, Хобсбаум использует классическую метафору Г. Гегеля, связывая... всплеск популярности исследований национализма с совой Минервы, которая начинает свой полет лишь в сумерках. “Сумерки” тут означают не столько непроясненность национализма, сколько его закат и скорое исчезновение с небосклона мировой истории... По мнению Хобсбаума, <...> формирование глобального рынка, мирового информационного пространства и рост возможностей и выгод географической мобильности делают национализм прагматически высокочрезмерно затратным и неоправданным, что должно привести не только к падению популярности данной идеологии, но и к постепенному стиранию межнациональных различий вплоть до исчезновения большинства национальных языков» [Фабрикант 2013: 142–143].

Но глобализация, отличаясь своей противоречивостью и неравномерностью развития, по-разному отражаясь на развитии государств, одновременно снижает риски национализма, с одной стороны, а с другой – увеличивает их, создавая тем самым пространство несправедливых обменов, взаимодействий, давлений. Ответом на эти и многие другие процессы, сопряженные с глобализацией и вызванные ею, нередко становится идеология национализма, активно используемая и сегодня. Политика, экономика, культура, история все более этнизируются, что придает национализму черты естественного явления. Противоречивость интересов

участников глобального процесса, усиливающаяся конкуренция за сферы влияния придают лозунгам и требованиям социальной справедливости националистическую окраску. В такой ситуации националистические настроения в массовом сознании становятся доминирующими, а национализм в форме патриотизма становится наиболее эффективным и всегда действенным средством реализации национальных интересов. Таким образом, национализм, этот, по образному выражению, «многоликий Янус», проявляет себя совершенно по-разному, в том числе и в пространстве глобализации, что позволяет трактовать его в категориях, прямо противоположных друг другу. Но и в такой ситуации, тем более в условиях противостояния в широком смысле слова, он несет в себе черты этноцентризма, наполнен фобиями разного рода, в первую очередь ксенофобией, чреватой проявлениями этнической неприязни, конфликтов, агрессии.

Национализм, свободный от ксенофобии, является основой национальной идентичности и стимулом государственного развития. Опыт многих стран, в частности так называемых «азиатских драконов», Японии, достигших за сравнительно короткое историческое время высоких достижений в инновационных и коммуникационных технологиях, многие связывают в том числе и с идеологией национализма, которая выступила фактором объединения и сплочения на базе национальной системы ценностей. Более того, национализм, выступающий в качестве государственной идеологии, приобретает особый вес в условиях давления космополитических ценностей, теснящих «национальное» мировоззрение, и это вызвано в первую очередь процессами глобализации, отождествляемой с явлением космополитизации. В орбите ее влияния оказываются все современные общества, она так или иначе подтачивает основы национального мироощущения, проникая в локальный контекст и вызывая в нем изменения, угрожающие национальной специфике.

С одной стороны, космополитизм становится инструментом преодоления философии национализма, осуществляя тем самым его «переориентировку», утверждая ценности универсализма, тем более в условиях растущего воздействия способствующих этому инноваций и технологий. Происходят процессы взаимного проникновения культур, традиций, взаимное обогащение культурными (в широком смысле слова) приобретениями, что, несомненно, не может не обогащать, даже в ситуации сложности осуществления верного выбора. С другой стороны, именно национализм в форме патриотизма является реакцией на угрозы, связанные с вторжением космополитических ценностей в мир национального. Но, по справедливому мнению У. Бека, «космополит и “локальный житель” как идеальные типы не могут быть противопоставлены друг другу. Космополитические формы жизни и идентичности являются *одновременно* глобальными и локальными с этической и культурной точки зрения. Они символизируют “этнический глобализм” или... “космополитизм с корнями”. Разница между чисто локальными и чисто космополитическими формами жизни заключается в том, что космополиты ощущают и в случае необходимости защищают свое место как открытое миру» [Бек 2003: 46]. Тот факт, пишет ученый, что «пространство опыта индивида больше не совпадает с национальным пространством, а медленно и незаметно меняется под воздействием космополитизации, не должен привести нас к оши-

бочному выводу, что все мы в будущем станем космополитами. Даже самое позитивное развитие... когда открываются культурные горизонты и растет восприимчивость по отношению к другим незнакомым и в то же время легитимным способам жизни и существования, совершенно необязательно возбуждает чувство космополитической ответственности» [Бек 2003: 38].

Национализм является весомым политическим инструментом, к которому прибегают не только в ситуации угроз. Принято считать, что апелляция к национализму свойственна, во-первых, развивающимся странам, с ее помощью решаются многие вопросы государственного развития (хотя и развитые государства, ориентиром которых выступает идеология либерализма, демонстрируют примеры приверженности идеям национализма). Во-вторых, национализм нередко облекается в форму патриотизма, что сопряжено с рядом трудностей, и в первую очередь – с верной трактовкой каждого из них, что оказывается достаточно сложной задачей. Тем не менее можно предположить, что национализм в качестве патриотизма основан на признании того, что он, равно как и патриотизм, является одним из наиболее эффективных способов выражения национальной идеи, формой организации национально-государственной жизни, который особо актуализируется процессами глобализации. И в таком качестве национализм приобретает легитимные черты, в том числе и в глазах общественного мнения. В-третьих, национализм зачастую является символом этнической и личностной идентификации и в этом отношении противостоит глобализации, минимизирующей или снижающей роль национальных идентификаторов. Процессы универсализации, вызванные расширением пространства глобализации, не только не отменяют существования «корней», но, наоборот, делают их все более востребованными. Тем более у народов, для которых созерцательность, метафизичность, глубинность бытия являются категориями не отвлеченными, а вполне реальными, определяющими национальный дух и своеобразие духовной жизни. И в такой ситуации национализм не может не быть выразителем национальных интересов, особенно в ситуации, когда национальная культура испытывает давление со стороны тенденций глобализации, что может быть выражено в фактах поглощения одной, более слабой, культуры более сильной, в процессах культурной (и не только) ассимиляции.

В век глобализации понимание национализма в его прежнем значении изменилось, как считают некоторые, связывающие это обстоятельство с тем, что национализм как идеология национального освобождения и форма национальной жизни исчерпал себя. Более того, на различных этапах развития этноса один тип национализма сменяется другим, соответствующим требованиям времени, происходит их смешение, и это создает новое пространство опасностей и рисков, в том числе и для существования этнических общностей. Немаловажное значение имеют те социально-экономические, политические и нравственно-мировоззренческие ориентиры, которых придерживается общество: там, где господствуют утилитаризм, прагматизм, стремление скорее «иметь», нежели «быть», и т. д., национализм выступает не стимулом, а, наоборот, тормозом развития, что приводит в противоречие с требованиями глобализирующегося мира.

О том, что идеология национализма продолжает оставаться одним из механизмов влияния и способом реализации требований различного рода – от объек-

тивных до надуманных, свидетельствуют события конца XX – начала XXI в. Формой «усмирения» националистических тенденций стали процессы глокализации и фрагментации. Введенный Р. Робертсоном термин «глокализация», использованный первоначально в области аграрной деятельности и означавший процесс адаптации фермерских хозяйств к местным условиям, оказался достаточно продуктивным, поскольку отражал взаимосвязь глобального и локального, и не только в хозяйственной сфере. Но взаимозависимость глобального и локального обнаруживается повсюду, во всех социальных сегментах мирового сообщества, и не всегда глобальное отвечает запросам национально-государственного развития. В этой связи глобализация предстает как единство стандартизированного и национально-локального, тенденций универсализма и партикуляризма. Трендам гомогенизации, которые сопровождаются становлением сходных черт, однотипных образований, институтов, противостоят тенденции гетерогенизации, более того, нередко именно локальное, национально-особенное выступает решающим фактором развития, особенно в ситуации игнорирования национальных интересов, дискриминации, на почве которых и расцветает национализм. Таким образом, глобализация все больше включает в себя локальное, а локальное глобализируется. В такой ситуации «националистические» риски более предсказуемы, а значит, могут быть преодолены с наименьшими потерями.

Снижение рисков националистической идеологии, представленных прежде всего в радикальных формах, возможно на основе учета локального контекста, который должен обогащаться и обогащается глобальными его достижениями. Это способствует его успешной адаптации к новым реалиям, особенно когда речь идет о традиции в широком смысле этого слова. Со своей стороны, локальный тренд привносит в глобализацию местный колорит, создает условия для продвижения глобальных процессов, выступая, таким образом, в качестве одного из инструментов, обеспечивающих как национально-государственный, так и общемировой прогресс. И в таких условиях процессы автономизации и регионализации, наблюдаемые в современном мире, являются не факторами разъединения, а взаимосвязанными и обуславливающими друг друга частями глобального процесса, способствующими подлинной интеграции, которая возможна лишь на основе учета национальных интересов и развития локальных идентичностей.

С другой стороны, глобализация, в какой бы форме она ни выступала – вестернизации (или американизации), макдональдизации, – становится тем инструментом, который «подминает» локальное, тем более что оно не в состоянии противостать напору более мощной и достаточно агрессивной культуры с точки зрения ее воздействия на национальное и перспективы его развития. Современный мир становится очевидцем процессов культурной гибридизации, в ходе которых усваиваются не только исключительно культурные (художественные и музыкальные) ценности, но и образ жизни, типы деятельности, системы предпочтений, характер межличностных и межгрупповых взаимодействий. Происходит не только усвоение тех или иных форм общения, адекватных времени, но и технологий, брендов, кардинально меняющих мировосприятие и природу социальных действий. И это настораживает, в особенности те народы, для которых национально-специфическое является не данью традиции, а ее подлинной сущностью. Проти-

востояние тенденций массовизации национальной культуры процессам гомогенизации вполне очевидно, и оно осуществляется в том числе и через обращение к националистической идеологии и практике, в которых видят средство от всепоглощающего влияния и давления глобализации.

Нет сомнений в том, что и глобальное, и локальное «нуждаются» друг в друге. Проблема заключается в том, как – и количественно, и качественно – эти части представлены в общемировом процессе, поскольку от этого зависит, насколько востребованным окажется национализм. Можно предположить, что эта доля в пользу не локального, а скорее глобального, и это обстоятельство становится фактором, порождающим риски различного содержания и направленности для развития как отдельно взятых национальных государств, так и человечества в целом. Глобализация возможна лишь через локальное и на его основе, она всегда имеет локальное измерение: социальные институты, социальные процессы и отношения, менталитет, выбор жизненных стратегий, взгляды и т. д. всегда локальны, и эта привязка к локальному контексту оказывает обратное воздействие, причем достаточно активное, на глобальные процессы. Таким образом, глобальное и локальное образуют единую ткань общемирового процесса. Сегодня, «когда под влиянием процессов глобализации человечество стало планетарным явлением, сохраняя при этом известную автономность и самодостаточность своих составных частей в пределах отдельных регионов и локальных территорий, возникла потребность увидеть единство всего этого общественного организма в его многообразии и взаимосвязи» [Чумаков 2015: 42], в том числе и локального, этнического со всеми присущими им особенностями, благодаря чему становится возможным – при соответствующих условиях – преодоление национализма с наименьшими потерями для успешности и глобального, и локального.

Выражением связи и взаимной обусловленности процессов глобализации и локализации стала фрагментация – единство фрагментации и интеграции, без которого реальное существование и плодотворное развитие современных форм жизни не представляется возможным. По мнению Д. Розенау, автора данного термина, фрагментация есть выражение одновременных стремлений к фрагментации (дроблению, автономности) и интеграции (единению, сплочению). В ситуации, когда фрагментация довлеет над интеграцией, угрозы, в том числе и в виде национализма, достаточно велики. Эти угрозы выражаются в ослаблении мощи и функций государства, перераспределении полномочий в пользу влиятельных глобальных акторов, игнорировании либо недостаточном учете национальных интересов, превращении ряда национальных экономик в службу мирового авангарда и т. д. Следствием таких политических и иных социальных процессов неизбежно становится идеология национализма, зачастую принимающая крайне агрессивные формы, преодоление которых даже совместными усилиями превращается в трудноразрешимую задачу.

Национализм возможен и в том случае, когда в стремлении к самоизоляции как предпосылке успешного развития, в желании сохранить сложившуюся систему ценностей, отвечающих национальным – индивидуальным и коллективным – запросам, этническая группа выбирает так называемую буферную стратегию, на деле оборачивающуюся деградацией и саморазрушением. Замыкание в собствен-

ном национальном мире не только маловероятно в условиях глобализации, но и вредит самой природе локальности, предполагающей различные формы кооперации и сотрудничества как условий самосохранения. Происходит смешение понятий «локальное» и «локализованное», более того, понятие «локальность» теряет подлинность своего изначального смысла, становясь синонимом локализма, понимаемого как существование в отрыве от современных достижений, являющихся результатом интеграции. И этот локализм, ограничивающий возможности поступательного развития, является питательной почвой для возникновения и распространения «национализмов» разного рода.

Литература

Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 24–53.

Фабрикант М. С. Национализм в современном мире (Сравнительное межстрановое исследование) // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 141–153.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–48.